

В ОЖИДАНИИ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В статье рассматривается развитие концепции мировой революции от ее формирования в середине XIX в. до начала практического осуществления в конце 1918 г. Показано, что концепция непрерывной «перманентной» революции, охватывающей передовые страны и их периферию, характерная уже для К. Маркса, получила подтверждение и частичное развитие в начале XX в. в текстах радикальных социал-демократов. Идея мировой революции получила «второе дыхание» в связи с Первой российской революцией и Первой мировой войной, в результате которой ожидалось (и произошло) социально-политические потрясения в глобальном масштабе. Ожидание мировой революции, в свою очередь, считалось ключом к решению внешне-политических проблем России в 1917–1918 гг. В период Брестских переговоров ставка на мировую революцию не оправдалась, что привело к тяжелому кризису большевизма и Советской власти. В статье рассматривается также реакция австро-германских элит на советскую революционную дипломатию. Для значительной части левой социал-демократии Российская революция с ее практикой Советов показала воплощением идеи мировой революции, но авторитарные черты практики большевиков вызвали критику со стороны лево-социалистических теоретиков.

Ключевые слова: мировая революция, К. Маркс, Великая российская революция, Брестский мир, В. Ленин, Ноябрьская революция в Германии, Р. Люксембург

Перманентная революция

Мировая революция была главной надеждой революционного марксизма и части немарксистских социалистических учений (например, анархистов) начиная с XIX века. Коммунисты и часть народников исходили из того, что в глобализирующемся мире не могли долго сосуществовать очаги социализма и мир капитализма. Раз начавшись, антикапиталистическая революция должна в ходе непрерывного (перманентного) развития охватить все развитые страны и привести к созданию мировой социалистической системы. К. Маркс и Ф. Энгельс писали в 1850 г.: «наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоеует государственной власти, пока ассоциация пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьется настолько, что конкуренция между пролетариями в этих странах прекратится и что, по крайней мере, решающие производительные силы будут сконцентрированы в руках пролетариев»¹.

В начале века в центре внимания социал-демократии оказалась Россия, где разразилась революция. И не простая, а с неожиданно зна-

---

¹ Маркс, Энгельс. 1956. С. 261.

чимой для отсталой страны ролью пролетариата. Р. Люксембург писала: «Политические формы современного буржуазного классового господства завоевываются здесь не буржуазией, а рабочим классом в борьбе против буржуазии... Таким образом, нынешняя революция в России по своему содержанию далеко выходит за рамки ранее происходивших революций и по своим методам не примыкает ни к старым буржуазным революциям, ни к прежним парламентским боям современного пролетариата. Она создала новый метод борьбы, соответствующий как ее пролетарскому характеру, так и связи борьбы за демократию с борьбой против капитала, – революционную массовую забастовку. Итак, по своему содержанию и методам она – совершенно новый тип революции. Будучи формально буржуазно-демократической, а по сути своей пролетарско-социалистической, она как по содержанию, так и по методам является переходной формой от буржуазных революций прошлого к пролетарским революциям будущего, в которых речь уже пойдет о диктатуре пролетариата и осуществлении социализма... Судьбы не только русского общества, но и всего капиталистического мира решаются на улицах Петербурга, Москвы, Варшавы... Вместе с русской революцией мы уже вступаем в период перехода от капиталистического общества к социалистическому... Русская революция для германского пролетариата – великий наставник»².

Россияне были готовы не просто поделиться опытом, а зажечь пожар мировой революции. Полемизируя с меньшевиками, Ленин соглашается, что в России нет предпосылок для создания социализма. Поэтому в случае победы социал-демократии «Российская Коммуна» должна получить поддержку извне. Но для того, чтобы Европа помогла России, революционная Россия должна помочь западным товарищам: «мы сделаем из русской политической революции пролог европейского социалистического переворота». Если буржуазия не свергает революционную диктатуру в России, «диктатура зажигает Европу...»³. Не только большевики, но даже меньшевик А. Мартынов считал возможным «толкнуть на путь революции Запад, как сто лет назад Франция толкнула на путь революции Восток»⁴. А Л. Троцкий и А. Парвус надеялись применить в России теорию непрерывной (перманентной) революции.

Если раньше русские социал-демократы готовы были стать филиалом германского социалистического переворота, то теперь, видя хроническое запаздывание коллег в развитых странах, их увязание в оппортунистическом болоте, Ленин и даже некоторые меньшевики стремились помочь западным товарищам. В России нельзя победить, но

---

² Люксембург 1991. С. 135-137, 140.

³ Ленин 1960. С. 31, 360.

⁴ «Искра». За два года. Ч. 2. 1906. С. 237.

из России можно развернуть наступление, в которое будут вовлечены более развитые страны.

Война и революция

Новый поворот обсуждение темы мировой революции приобрело в связи с угрозой мировой войны. В случае ее начала Ж. Жорес призывает повернуть события «к завоеванию независимости и свободы народов, к освобождению пролетариата»⁵. Эта позиция стала общей платформой Жореса и Ленина. На Штутгартском конгрессе Второго интернационала в 1907 г. В. Ленин, Р. Люксембург и Ю. Мартов представили поправку к резолюции А. Бебеля, которая предлагала использовать ситуацию начала войны для «крушения господства класса капиталистов»⁶. Благодаря косвенной поддержке Жореса эта поправка прошла. Таким образом, связь войны и грядущей революции была поставлена в повестку дня.

Второй интернационал не поддержал очередное предложение ответить на объявление войны всеобщей стачкой (в 1907 г. оно исходило от Г. Эрве). Других методов действенного протеста против войны предложено не было. Это предопределило «крах» Второго Интернационала. Он провозглашал необходимость бороться с угрозой войны, но не сумел найти против нее сколько-нибудь действенных средств. Ленин после начала войны выдвинул лозунг превращения империалистической войны в гражданскую, т.е. – восстания. Аналогичные лозунги провозгласили только революционные синдикалисты и анархисты. 4 августа социал-демократы начали голосовать за военные кредиты (т.е. за эскалацию войны), затем они вошли в правительство – не только правые социал-демократы, но и центристы. Как писал идеолог эсеров В. Чернов, «пролетариат разных стран последовал «по пятам» – каждый за своей буржуазией – во всеобщую кровавую свалку»⁷. Этот морально-политический крах социал-демократии предопределил дальнейший раскол социалистического движения.

Война обострила социальные бедствия, но революция все еще запаздывала. В одних странах, по мнению Ленина, все ее предпосылки налицо, в других – нет; он уверен, что мир стоит накануне социалистической революции, но полагает, что она будет состоять из «долголетних битв, из нескольких периодов натиска»⁸. В ходе одного из таких «натисков» «возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»⁹. Из

---

⁵ Молчанов 1986. С. 316.

⁶ История Второго Интернационала. Т.2. 1966. С. 211.

⁷ Чернов 1997. С. 112.

⁸ Ленин 1962. С. 57.

⁹ Ленин. 1961. Т. 26. С. 354.

контекста видно, что во время Первой мировой войны Ленин пишет о победе социализма как движения, а не о построении посткапиталистического общества в одной стране, тем более – не самой развитой, такой как Россия. От «победы социализма» в одной стране до социализма, как общества, сменившего капитализм – долгий путь «осуществления социализма». Приоритет – у развитых стран: «социализм осуществляют объединенными действиями пролетарии не всех, а меньшинства стран, дошедших до ступени развития передового капитализма»¹⁰.

Но как раз в этих развитых странах революционное движение пока все еще слабо. Война оказалась затяжной и привела (пусть на время) к внутреннему укреплению режимов. Чтобы остановить варваризацию и милитаризацию стран, вовлечённых в войну, необходимо добиться прекращения войны. Левые интернационалисты, боровшиеся за скорейший мир, были политическими аутсайдерами. Именно такие аутсайдеры В. Ленин, Г. Зиновьев, П. Аксельрод, Ю. Мартов, Л. Троцкий, Г. Ледебур, В. Коларов, Х. Раковский, М. Натансон, В. Чернов, Я. Берзин и др. собрались на Циммервальдскую конференцию 5-8 сентября 1915 г. Они находились на обочине политической жизни того времени. Но мы знаем эти громкие имена – всего через два года начнется эпоха расцвета их политики. Им удалось выдвинуть принципы, которые вскоре стали определять мировую повестку дня: мир без аннексий и контрибуций, самоопределение народов. Тогда это был план скорейшего прекращения войны «вничью», где выигравшими оказались бы не империи, а народы. Как получилось, что позиция политических маргиналов стала основной международной повестки дня? Ответ: революция в России.

«Похабный» мир вместо мировой революции

С началом Великой российской революции социалисты быстро наращивали влияние в России. Они возглавили Советы. 14 марта Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов принял декларацию по вопросам войны и мира – воззвание «К народам мира». Исходя из принципов Циммервальдской конференции, воззвание провозглашало, что российская демократия «будет всеми мерами противодействовать захватной политике своих господствующих классов, и она призывает народы Европы к совместным решительным выступлениям в пользу мира»¹¹. Для этого трудящиеся Германии и Австро-Венгрии должны свергнуть свое самодержавие по примеру России.

Но верность принципам Циммервальда в понимании социалистов-центристов не исключало обороны своего государства, революционно-оборончества. «Все вы отлично понимаете, что если внешний враг одолеет Россию, он прежде всего поспешит отнять у нас нашу свободу,

---

¹⁰ Ленин 1961. Т. 26. С. 111.

¹¹ Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов. С. 319.

расправиться с нею и, значит, вновь ввергнуть страну в вековые бедствия. Я поэтому думаю, что никто не скажет: надо дать врагу возможность прийти к нам и предписывать нам свои законы. Я уверена, мы не желаем аннексий»¹², – говорила Е. Брешко-Брешковская делегатам совещания Советов, и эти слова были встречены аплодисментами. А до этого нужно оборонять свою родину.

Войдя в правительство, социалисты должны были заняться практической организацией ведения войны. Здесь были возможны два пути: либо перемирие де факто (противник, учитывая тяжелую ситуацию на других фронтах, не очень беспокоил российскую армию), либо помощь союзникам, нанесение удара по врагу. Циммервальдйская логика диктовала первое, военный министр А. Керенский избрал второе. Но циммервальдйцы оказались правы – в середине 1917 года российская армия не была способна даже на небольшую победу, большинство солдат не хотели проливать кровь в бессмысленных сражениях¹³, июньское наступление провалилось.

Большевики, хотя и потерпели поражение в ходе июльского кризиса, получили известность главных миротворцев страны, их радикальная социальная программа удачно дополнялась революционным пацифизмом, требованием немедленного перемирия, которое либо заставит партнеров по Антанте включиться в переговоры о мире, либо приведет к сепаратному выходу России из империалистической войны на условиях мира без аннексий и контрибуций. Сочетание социального радикализма и революционного пацифизма в условиях осени 1917 года способствовало восстановлению сил большевизма после июльского поражения. Более того – именно революционный пацифизм стал ключом к победе большевиков в борьбе за власть. Одним из первых актов Советской власти стал «Декрет о мире». Россия стала Меккой революционного пацифизма. Она предложила миру немедленный демократический выход из войны. Антанта отказалась участвовать в этом, а вот Германия отнеслась к декрету серьезно. 14 ноября 1917 года германское верховное командование дало согласие на ведение официальных переговоров о мире с представителями Советской власти.

9(22) декабря 1917 г. начались мирные переговоры между Россией и державами Четверного союза в Брест-Литовске. Советскую делегацию возглавлял А. Иоффе, Центральные державы представляли министры иностранных дел Германии Р. Кюльман, Австро-Венгрии О. Чернин и начальник штаба Восточного фронта М. Гофман. Германская властная элита в принципе была заинтересована в скорейшем мире, хотя бы на востоке. В зиму на 1917 год Германия голодала. Ощущалась

¹² Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов. С. 24.

¹³ Шубин. 2018. С. 147-149.

также острая нехватка горючего¹⁴. Но слабость России давала невероятные шансы территориального расширения.

В сложившихся условиях никто не хотел ковать железо, пока горячо. Лидеры Советской России еще не осознали до конца, какая опасность исходит от возможного возобновления германского наступления в условиях разложения армии (даже Ленин придет к выводу о невозможности военного сопротивления во второй половине декабря, между всеармейским съездом по демобилизации 17 декабря и возвращением из отпуска 28 декабря), и выступали так, как будто были равной немцам силой. Немецкий генерал Гофман 17(30) декабря с возмущением прокомментировал, что «русская делегация заговорила так, будто она представляет собой победителя, вошедшего в нашу страну»¹⁵. Советские представители не претендовали на территорию соседних государств, но они понимали, что Германия остро заинтересована в мире и считали, что одно это защищает советские позиции.

Нельзя сказать, что такие расчеты были совсем уж неверными. Так, 22 декабря (4 января) в ожидании советской делегации О. Чернин писал: «Нет сомнения, что, если русские решительно прервут переговоры, положение станет тягостным»¹⁶. Когда нарком иностранных дел Л. Троцкий прибыл в Брест, немцев и их союзников охватило бурное веселье, сменившее напряженное ожидание. Э. Людендорф рассказывал о противоречиях между германскими представителями и Черниным, который был более уступчив в отношении большевиков. «Последний, чтобы нажать на статс-секретаря фон Кюльмана, стал совершенно непонятным образом угрожать заключением Австро-Венгрией сепаратного мира»¹⁷. Это тоже был хороший шанс для большевиков добиться успеха в случае затягивания переговоров.

Часть немецких и австрийских газет сочувственно относилась к агитации Троцкого в Бресте. «При таких обстоятельствах Троцкий должен был бы быть дураком, если бы он в чем-нибудь пошел на уступки, а он был много умнее и энергичнее»¹⁸, – считал Людендорф, и в этом отношении он едва ли хуже понимал ситуацию, чем историки и публицисты, которые задним числом судили Троцкого за авантюризм.

Однако пока большевики вели свою мировую игру, апеллируя к уставшим от войны народам, упрекая Антанту за то, что она не желает присоединиться к переговорам, 18(31) декабря 1917 г. в Брест прибыла делегация Центральной рады, которая вскоре вступила в согла-

---

¹⁴ Шубин 2018. С. 469.

¹⁵ Мирные переговоры в Брест-Литовске... Т. 1. 1920. С. 94.

¹⁶ Чернин 2005. С. 249.

¹⁷ Людендорф 2014. С. 490.

¹⁸ Там же. С. 495–496.

шение с австро-германской стороной, расколов российский дипломатический фронт. Украинцы произвели хорошее впечатление на партнеров в Бресте: «Они значительно менее революционно настроены, они гораздо более интересуются своей родиной и гораздо меньше – социализмом»¹⁹, – писал Чернин. Однако сближение с украинцами немцы проводили не ради их патриотизма, а ради продовольствия и обнаружившейся глубокой брешы в российском дипломатическом фронте.

5(18) января 1918 г., генерал Гофман предъявил советской делегации карту, на которой была начерчена линия немецкой сферы влияния, почти совпадающая с линией фронта. К западу от нее Германия сама позаботится о «самоопределении» Польши, Литвы и Курляндии. Троцкий взял тайм-аут. В партиях большевиков и левых эсеров развернулась жаркая дискуссия: что делать? Значительная часть тех и других считала капитуляцию перед немцами неприемлемой (так думали и представители других партий). Немецкий ультиматум уязвлял и патриотические чувства населения России, и принципы революционеров. Его принятие означало поражение мирового масштаба, так как капитуляция подразумевала предательство революционного движения оккупированных территорий, предоставляла Германии и Австро-Венгрии дополнительные ресурсы для укрепления реакционного милитаристского режима.

Прежде целостная большевистская доктрина перед лицом Брестского вызова стала расслаиваться. Коммунистическая стратегия соединяла антиимпериализм и программу строительства нетоварной плановой экономики. До 1918 г. связь этих двух сторон казалась неразрывной – предполагалось победить империализм и в мировом масштабе построить новое общество на его развалинах. Предложения демократического мира, выдвинутые большевиками в Бресте, должны были обеспечить важную моральную победу над империализмом. Но германский империализм не собирался уступать. И тогда пришлось выбирать. Ленин считал, что можно пойти на любой мир, чтобы начать строить социализм. Конструктивный пример Советской России обеспечит мировое торжество коммунистических идей. Левые коммунисты и большинство левых эсеров полагали, что капитуляция перед империализмом исключает продвижение к новому обществу. Россия будет зависима от империализма, который к тому же отнимает у России часть ресурсов, без которых вообще нельзя возродить экономику. Левые эсеры понимали также, что выполнение немецких условий углубит продовольственный кризис, и расплачиваться придется крестьянству, интересы которого левые эсеры и представляли в рабоче-крестьянском союзе. Троцкий пытался сблизить позиции левых и правых большевиков с помощью рискованной внешнеполитической игры. Если развал армии

---

¹⁹ Чернин 2005. С. 250.

неизбежен, ее нужно распустить, получив таким образом поддержку солдат во внутренней борьбе. Сопrotивляться немецкому наступлению не получится, но положение противника также тяжело – он не в состоянии продолжить войну. Велик шанс, что он не решится наступать. Можно рискнуть – отказаться от заключения мира до лучших (для Германии и России) времен. Тогда тяжелый выбор, расслаивающий коммунистическую идею, разделивший партию надвое, становится излишним. Это была авантюристичная игра, но она стоила свеч. Лозунг этой игры: «Ни мира, ни войны, а армию распустить»²⁰.

Кратковременная революционная волна в Европе в январе сыграла с большевиками злую шутку, заставив их примириться на почве затягивания переговоров в надежде на то, что проблемы в Германии и Австро-Венгрии будут нарастать вплоть до революции. Новости из дома оказали влияние и на позицию дипломатов Четверного союза. Чернин признавал: «Катастрофа, вызванная недостатком снабжения, стоит прямо у двери»²¹. Стачки в Вене и Берлине стали сильным козырем в руках не только большевиков, но и украинских националистов, которые, по выражению Чернина, «вылупляются очень быстро» и уже просто стали диктовать условия²². Р. Кюльман писал в Берлин: «Украинцы хитры, скрытны и абсолютно не знают меры в своих требованиях»²³.

Но решающее слово по-прежнему принадлежало немецким генералам, а они не намерены были упускать «плоды победы». Позиция германской военной элиты была авантюристична, так как затягивание мира перед лицом острого продовольственного кризиса, да еще когда русские предлагали честный мир, было чревато революцией. Но генералы были готовы рисковать, и не только из-за Прибалтики. Ставкой в игре стало украинское продовольствие. Переговоры представителей Центральной рады и Четверного союза явились спасением для обеих сторон. Немцам нужно было как можно скорее завершить переговоры и получить доступ к продовольственным ресурсам, а Рада стремилась отгородиться от большевиков (в т.ч. украинских) немецкими штыками. 9 февраля был подписан договор Украины с Четверным союзом.

10 февраля Троцкий, опережая неизбежный австро-германский ультиматум, заявил о прекращении состояния войны и отказе подписывать мир, а после начала австро-германского наступления 18 февраля поддержал позицию Ленина. 3 марта был подписан Брестский мир на тяжелых условиях – Россия отказывалась от прав на обширные территории, в т.ч. на Украину²⁴. Оккупация Германией и Австро-Венгрией

---

²⁰ Шубин 2017. С. 406-417.

²¹ Чернин 2005. С. 254.

²² Там же. С. 256.

²³ Советско-германские отношения... Т. 1. 1968. С. 228.

²⁴ Шубин 2017. С. 423-440.

Украины (по приглашению Центральной рады) с последующей экспансией уже на территории собственно России (немцы заняли Ростов и Батайск) и Грузии, нарушала связи Москвы и Петрограда с хлебными районами. Это усугубляло продовольственную проблему и еще сильнее обостряло отношения горожан и крестьянства. Левые эсеры теперь развернули агитационную кампанию против большевиков в Советах. Капитуляция перед Германией затронула глубинные пласты национальной психологии, настроив против большевиков миллионы людей независимо от их социального положения.

Вместо мировой революции политика большевизма привела к «похабному миру». Но большевики продолжили свою политику ожидания мировой революции в условиях разгоравшейся гражданской войны и интервенции двух блоков. Если с Германией удалось договориться о прекращении дальнейшей экспансии в соглашении 27 августа, то государства Антанты с июля расширяли свою интервенцию на Севере России и Дальнем Востоке. 29 июля, выступая на расширенном заседании ВЦИК, Ленин заявил: «война гражданская у нас теперь... слилась с войной внешней в одно неразрывное целое... Мы теперь воюем с англо-французским империализмом и со всем, что есть в России буржуазного, капиталистического, что делает усилие, чтобы сорвать все дело социалистической революции и втянуть нас в войну»²⁵.

Очаг социализма или варварства?

Но Антанта вела войну пока нерешительно – было не до этого, нужно было напрягать все силы для победы над Германией и ее союзниками. Для удара по очагу антикапиталистической революции не было больших сил. Но стоило ли пытаться потушить его малыми силами?

Внимательный французский наблюдатель отмечал глубокую укорененность большевизма в российскую традицию. Сотрудник французской военной миссии в России и добрый католик П. Паскаль, проникшийся симпатией к русской культуре и революции, писал в мае 1918 г.: «Пасхальная полуночная служба. Вместе с товарищами иду на удачу в Кремль... Мы прошли, не раскрывая рта, как, впрочем, и вся публика; миновали несколько постов охраны, и вот – Успенский собор... Это Россия. И солдатская масса, воины Красной Армии со звездочками на фуражке, острижены по уставу, серьезные и суровые – даже вон тот, несомненно командир, поскольку при сабле, во френче с тесным, широко расстегнутым воротником – все это православная Россия в новой форме»²⁶. Большевизм глубоко укоренён в российскую традицию, с ним очень сложно справиться, но его идеи мировой революции вторичны по сравнению с традицией и потому не так уж опасны.

---

²⁵ Ленин. Т. 37. 1963. С.13, 17.

²⁶ Паскаль 2014. С. 473-474.

П. Паскаля, как и других свидетелей событий из западных стран, ужасал начатый большевиками «красный террор»: «Террор? Дарси вернулся из Петрограда, там он два дня отсидел в Петропавловской крепости: до 20 (человек) в камере-одиночке, дышать трудно (на минутку открывали дверь), прогулок не было. Заключенным таким же образом русским давали пищу в воскресенье и больше ничего до вечера четверга, и притом за свои деньги. Зрелище «приличных» людей, набрасывающихся на еду, как животные. Сейчас арестованные французы имеют отдельное снабжение, постель и т.д. Вок хорошо. За ночь, проведенную там, Дарси насчитал 29 вызовов на расстрел»²⁷.

Доходя до Парижа, эти сведения вызывали возмущение. Исследователь А.А. Вершинин приводит такой эпизод 1919 года: «19 февраля с высокой трибуны заседания одной из парижских секций соцпартии Ренодель и Самба фактически оправдали интервенцию, возложив на большевиков ответственность за “ужасную бойню”, которая происходила на территории бывшей Российской империи, и прямо обвинив их в установлении диктатуры и организации террора. “Но у нас самих разве не было террора в [17]93 г.?” – послышался из зала вопрос с явным намеком на якобинский период Французской революции. “Никто не может сравнивать революцию, произошедшую более 100 лет назад, и те события, которые мы наблюдаем сейчас в России. Люди с тех пор изменились”»²⁸. Но изменились даже не все французы, и половина социалистов Франции смотрела теперь на Москву как на новую землю обетованную. Революция стала зеркалом для французской политической культуры с празднованием 14 июля и пением «Марсельезы». Воевать против революции, которая явно походила на французскую и даже сознательно куталась в её словесные одежды («комиссары», «трибуналы» да и сам террор), это значило бросать вызов собственным ценностям. И прошедшие 100 лет ничего не меняли, ведь Россия считалась страной отсталой, и она только сейчас созрела до того состояния, которое Франция переживала в конце XVIII века. А ведь в те времена революционный народ одерживал победы над контрреволюционными армиями. И это было предупреждением против интервенции.

Таким образом, отношение к российской революции и интервенции раскалывало французскую общественность на фундаментальном уровне. Радикальные демократы и социалисты видели в позиции современной Франции возвращение к контрреволюционной традиции. Но и с прагматической стороны вторгаться в этот растревоженный муравейник было крайне рискованно – летом 1918 г. большевики показали,

²⁷ Паскаль. 2014. С. 552.

²⁸ Вершинин. 2012. С. 40.

что не падут от слабого толчка. Зато опыт Французской революции подсказывал, что они так или иначе вернутся на путь мировой цивилизации. Если правы демократы, и российская революция аналогична французской, то наступит термидор. Если верны представления правых, то возьмет верх российская традиция, которая переварит большевизм, и он останется в российских пределах.

Осенью 1918 г. ленинская стратегия «передышки», которая обернулась широкомасштабной гражданской войной, стала приносить плоды. Советская власть, превращавшаяся в однопартийный коммунистический режим, отбила первый военный натиск антисоветских движений. «Кольцо фронтов», в котором она оказалась, несколько ослабло, но советская система милитаризовалась и стала настолько авторитарной, что свела к минимуму автономию самих Советов, формировавшихся теперь почти целиком под руководством партии коммунистов.

22 октября 1918 года Ленин выступил с докладом на объединенном заседании ВЦИК, Моссовета, профсоюзов и ФЗК. Он предложил слушателям парадокс: «Товарищи, мне кажется, что теперешнее наше положение, при всей его противоречивости, может быть выражено, во-первых, тем, что мы никогда не были так близки к международной пролетарской революции, как теперь, и, во-вторых, мы никогда не были в более опасном положении, чем теперь»²⁹. Это сказано после Брестского мира, летне-осенних сражений гражданской войны, после покушения на него лично. Что за угроза нависла над большевиками, когда они уже утвердились в центральных регионах России? Ленин не отвечает сразу, а обрушивает на слушателей множество оптимистических новостей: революция вспыхнула в Болгарии и Сербии. Австро-Венгрия распадается, и буржуазия там не удержится, потому что «везде стучится в двери рабочая революция». Немного торопя события, Ленин даже утверждает, что в Германии началась революция³⁰. И действительно через две недели Германская революция свергнет монархию. Советскую республику приветствуют на социал-демократических и рабочих собраниях и в странах Антанты. «Большевизм стал мировой теорией и тактикой международного пролетариата!»³¹.

Гром аплодисментов, слушатели уже забыли об угрозе, которую Ленин анонсировал в начале речи. Но «чем ближе мы подходили к мировой пролетарской революции, тем больше сплывалась контрреволюционная буржуазия»³². Это выглядит как упражнение в диалектике. Но Ленин делает из него практический и весьма реалистический вывод

---

²⁹ Ленин. Т. 37. 1963. С. 111

³⁰ Там же. С. 112.

³¹ Там же. С. 114

³² Там же. С. 117.

– следует ждать нападения англо-французских сил с юга, через Дарданеллы. Этот прогноз в ближайшее время осуществится. Кончается Первая мировая война. Империализм объединится, будет создаваться послевоенный мировой порядок, в котором Советской России не может быть места. Значит, предстоит полномасштабная интервенция Антанты и уже подчиненной ей Германии против инородного образования, которое не вписывается в мировой порядок. Раньше можно было играть на межимпериалистических противоречиях, а теперь они на время исчезнут. И это – огромная опасность. Ей можно противопоставить только восстание, революцию. В этой борьбе советскому очагу мировой революции нужны союзники в лице левой социал-демократии западноевропейских стран. Начало революций в Германии и Австро-Венгрии порождало у большевиков надежды на успешное соединение европейских революций в единый мировой процесс.

13 ноября Россия разорвала Брестский мир. Первая мировая война закончилась, но война на просторах бывшей Российской империи только начиналась. Из Москвы казалось, что она находится в эпицентре мировой революции, глобальной вооружённой борьбы за осуществление коммунистического проекта. Красная армия двинулась на Запад и Юг.

Германских товарищей стоило даже немного сдерживать. 23 ноября Бухарин рассказывал на заседании Моссовета: «Так этот самый Барт, который теперь вступил в это подлое предательское правительство Шейдемана-Гаазе, этот самый Барт говорил мне: “дорогой Бухарин, мы не будем делать этих глупостей, как делали Вы, русские, мы не будем так мягки, мы перевешаем всех контрреволюционеров, перевешаем их столько, насколько у нас хватит верёвок”»³³. Но в Германии в ноябре 1918 года не было особой необходимости «вешать контрреволюционеров» – царила атмосфера, подобная марту 1917 года в России. А когда настанет час решительных столкновений, то социал-демократы со всей решительностью возглавят разгром коммунистов.

Как рассказывал Бухарин о своих беседах накануне падения Вильгельма II, «товарищ Либкнехт оказался даже левее нас». Он хочет «устроить с места в карьер вооруженное восстание в Берлине». Либкнехт объяснял Бухарину: «не важно, пускай мы будем разбиты, но в Германии рабочий настолько не привык стрелять на улице и настолько не привык, чтобы в них стреляли, что ему чрезвычайно полезно пострелять»³⁴. Либкнехт разошелся и мечтал о том, как восставшие рабочие будут расстреливать полицейских. Бухарин и другие советские представители с трудом уговорили Либкнехта ограничиться для начала организацией рабочей и солдатской демонстрации и посмотреть – сколько

³³ Центральный государственный архив г. Москвы. Ф. Р-2562. Оп. 3. Д. 1. Л. 4.

³⁴ Там же. Д. 1. Л. 7.

народа выйдет. Если много – можно попытаться захватить объекты города³⁵. «Если не будет достаточного количества рабочих масс на улице, тогда решили ограничиться простой мирной демонстрацией, и в случае, если полиция будет пытаться загородить пути, то пострелять немножко в полицейских»³⁶. Однако Берлинский рабочий центр большинством голосов 22 против 19 решил отложить столь опасную демонстрацию. Ведь в случае столкновения с полицией рабочие организации могли быть разгромлены и подвергнуться жестокому репрессиям. И это – накануне назревавшей революции. Готовность Либкнехта к решительным, хотя и неподготовленным действиям, приведёт в январе 1919 года к его гибели и тяжёлому поражению германских коммунистов.

Но К. Либкнехт был не единственным лидером левой социал-демократии. Её теоретики, на поддержку хотя бы части которых очень рассчитывали большевики, не спешили признавать в большевистском эксперименте зарю социализма. Если до октября 1917 года большевистский проект представлялся социал-демократам слишком анархическим, то практика оказалась напротив – слишком авторитарной. К. Каутский настаивал: «Демократия и социализм различаются не тем, что первая – средство, а второй – цель; оба они – средство для одной и той же цели... Социализм как средство освобождения пролетариата без демократии немыслим»³⁷. Каутский, которому доставалось от Ленина в «Государстве и революции» за излишний этатизм и эволюционизм, теперь критиковал большевиков с демократических позиций. В центре его критики был террор – не меньшее варварство, чем война.

Каутский был одним из идеологов Независимой социал-демократической партии Германии, т.е. левого крыла германской социал-демократии. И если в борьбе за лево-социалистические умы концепция «Государства и революции», Советов как самоорганизации масс, была весьма привлекательна, то авторитарный радикализм большевиков разочаровывал и левый актив. Каутский уже не относился к референтной группе Ленина. Председатель Совнаркома резко раскритиковал, можно сказать разругал германского оппонента в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Но критика Советской власти с демократических позиций была очень опасна в той борьбе за умы европейских левых социалистов, которая с завершением войны приобретала решающее значение для распространения советской революции на Европу.

Теоретиком не только НСДПГ, но с декабря 1918 года – германских коммунистов была Р. Люксембург. Во время Первой мировой войны она актуализировала лозунг Маркса «Социализм или гибель в вар-

---

³⁵ Там же. Д. 1. Л. 7-8.

³⁶ Там же. Д. 1. Л. 8.

³⁷ Каутский 2002. С. 39.

варстве!»³⁸. Действительно, война нанесла такой удар по цивилизации и цивилизованности, что простое продолжение запущенных ею тенденций вело к варварству. Советская республика претендовала на роль очага социализма и антитезы войны. Но террор и авторитаризм были атрибутами скорее варварства, чем социализма, понимаемого как демократическое общество.

Люксембург отнеслась к Советской власти более благосклонно, чем Каутский. Ещё находясь в заключении до начала Германской революции, она писала о «гигантских задачах, к которым большевики подошли с мужеством и решимостью»³⁹. Но и она была настроена к большевистской модели весьма критически: «Разумеется, каждое демократическое учреждение имеет свои рамки, как, впрочем, и все другие человеческие институты. Но только найденное Троцким и Лениным целебное средство – устранение демократии вообще – еще хуже, чем тот недуг, который оно призвано излечить: оно ведь засыпает тот живой источник, черпая из которого только и можно исправить все врожденные пороки общественных учреждений, – активную, беспрепятственную энергичную политическую жизнь широчайших народных масс»⁴⁰. Это была квинтэссенция отношения левых демократических социалистов к большевизму. С одной стороны, их подкупала решительность и новизна происходящего в России, модель Советов манила своим демократизмом, выражением непосредственной воли «рабочего класса и беднейшего крестьянства». С другой стороны, большевики пока демонстрировали подавление демократии, выраженное террором и разгоном Учредительного собрания (о разгонах Советов большевиками было пока мало известно за рубежом). Распространять большевистский опыт следовало осторожно – без его авторитарной составляющей, истоки которой можно было объяснить отсталостью России.

Главная ошибка большевиков в том, что они абсолютизируют свой опыт, «стремясь внести в его арсенал в качестве новых открытий все перекосы, обусловленные в России чрезвычайными обстоятельствами, в конечном счете явившиеся следствием банкротства интернационального социализма в этой мировой войне»⁴¹. Соответственно, модель мирового коммунистического движения и социалистического общества, стартовавших в России, должна вырабатываться не в России: «В России проблема могла быть только поставлена. Она не могла быть решена в России, она может быть решена только интернационально»⁴².

---

³⁸ Люксембург 1991. С. 345.

³⁹ Там же. С. 327.

⁴⁰ Там же. С. 324.

⁴¹ Там же. С. 332.

⁴² Там же. С. 333.

Ленин не прочитал эту критику Люксембург, она тогда не была опубликована. Настроение Либкнехта внушало скорее оптимизм, по сравнению с ним даже левый коммунист Бухарин выглядел умеренно.

Однако уже в начале 1919 года, когда будет оформляться Коминтерн – политическая организация коммунистического движения за рубежами России, германские опасения выразятся в политическом демарше. Представитель КПГ Г. Эберлейн возражал против немедленного провозглашения Коминтерна, ссылаясь на формальные обстоятельства – сначала нужно разработать проекты основных документов. Как отмечают К. Макдермотт и Д. Ангю, «Публичные высказывания Эберлейна однако не передавали сути того беспокойства, которое испытывали германские коммунисты. Незадолго до своей смерти Роза Люксембург намекнула, что преждевременно созданный в Москве Интернационал неизбежно окажется под влиянием большевиков. Она предупредила руководство германской компартии, что такой Коминтерн будет “русской Крамерей” (лавочкой), с которой мы будем не способны справиться. Мы погибнем с ним»⁴³. Ленин был согласен с тем, что идеология Коминтерна должна формироваться на основе синтеза большевизма и спартакизма⁴⁴. Однако такая постановка вопроса на практике имела одно условие – германские коммунисты должны были победить в Германии. Но этого не произошло, Советская Россия превратилась в главный очаг и оплот коммунистического проекта. В итоге западные коммунисты постепенно либо приняли и поддержали большевизацию, т.е. все более авторитарный режим в международном коммунистическом движении, либо оказались за бортом Коминтерна.

Но и советская «мировая революция» в итоге не закрепились за пределами бывшей Российской империи (если не считать Монголию и Тыву), хотя восстания под лозунгом власти Советов поднимались и в Венгрии, и во Вьетнаме. «Проблема» была решена в России – как синтез российской исторической традиции и адаптированных к ней западноевропейских коммунистических идей. Такая модель социализма не была приемлема для западных политических культур, мировая революция на таких условиях не могла состояться и в будущем.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вершинин А.А. Мировая революция под звуки «Марсельезы» (1919–1923 гг.). К истокам французского коммунистического движения. М.: Либроком, 2012. 204 с.
- Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет. М.; Л.: Госиздаг, 1928. 355 с.
- Искра за два года. Сб. статей из Искры. СПб.: изд. С.Н. Салтыкова, 1906. Ч. 1. 688 с.; Ч. 2. 244 с.
- История Второго Интернационала: В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1965. 380 с.; Т. 2. 1966. 596 с.

⁴³ Макдермотт, Ангю. 2000. С. 28–29.

⁴⁴ Ленин. Т. 50. 1970. С. 227–228.

- Каутский К. Диктатура пролетариата. От демократии к государственному рабству. Большевизм в тунике. М.: Антидор, 2002. 313 с.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. М.: Изд. политической литературы, 1967–1975.
- Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М.: Вече, 2014. 756 с.
- Люксембург Р. О социализме и русской революции. М.: Политиздат, 1991. 330 с.
- Макдермотт К., Ангю Д. Коминтерн: история международного коммунизма от Ленина до Сталина. М.: АИРО-XX, 2000. 223 с.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 7. М.: Госполитиздат, 1956. 690 с.
- Мирные переговоры в Брест-Литовске с 9(22) декабря 1917 г. по 3(16) марта 1918 г. Т. 1. М.: Тип. III Интернационала, 1920. 268 с.
- Молчанов Н.Н. Жан Жорес. М.: Молодая гвардия, 1986. 400 с.
- Паскаль П. Русский дневник 1916–1918. Екатеринбург: Гонзо, 2014. 592 с.
- Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. М.: Политиздат, 1968. 785 с.
- Центральный государственный архив г. Москвы. Ф. Р-2562. Оп. 3. Д. 1. Л. 4, 7, 8.
- Чернин О. В дни мировой войны. Мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 521 с.
- Чернов В.М. Конструктивный социализм. М.: РОССПЭН, 1997. 670 с.
- Шубин А.В. Революционный 1917 год. От февраля к Октябрю. М.: Академический проект, 2018. 331 с.
- Шубин А.В. Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 – март 1918. М.: Питер, 2017. 448 с.

REFERENCES

- Vershinin A.A. Mirovaya revolyutsiya pod zvuki «Marsel'yezy» (1919–1923 gg.). K istokam frantsuzskogo kommunisticheskogo dvizheniya. M.: Librokom, 2012. 204 s.
- Vserossiyskoye soveshchaniye sovetov rabochikh i soldatskikh deputatov. Stenograficheskiy otchet. M.; L.: Gosizdat, 1928. 355 s.
- Iskra za dva goda. Sbornik statey iz Iskry. SPb.: Izd. S.N. Slatykova, 1906. CH.1. 688 s.; CH. 2. 244 s.
- Istoriya Vtorogo Internatsionala: V 2 t. T. 1. M.: Nauka, 1965. 380 s. T. 2. 1966. 596 s.
- Kautskij K. Diktatura proletariata. Ot demokratii k gosudarstvennomu rabstvu. Bol'shevizm v tupike. M.: Antidor, 2002. 313 s.
- Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. 5-ye izd. M.: Izd. politicheskoy literatury, 1967–1975.
- Lyudendorff E. Moi vospominaniya o vojne 1914–1918 gg. M.: Veche, 2014. 756 s.
- Lyuksemburg R. O sotsializme i russkoy revolyutsii. M.: Politizdat, 1991. 330 s.
- Makdermott K., Angyu D. Komintern: istoriya mezhdunarodnogo kommunizma ot Lenina do Stalina. M.: AIRO-XX, 2000. 223 s.
- Marks K. i Engel's F. Sochineniya. T. 7. M.: Gospolitizdat, 1956. 690 s.
- Mirnye peregovory v Brest-Litovske s 9 (22) dekabrya 1917 g. po 3 (16) marta 1918 g. T. 1. M.: Tip. III Internatsionala, 1920. 268 s.
- Molchanov N.N. Zhan Zhores. M.: Molodaya gvardiya, 1986. 400 s.
- Paskal' P. Russkij dnevnik 1916–1918». Ekaterinburg: Gonzo, 2014. 592 s.
- Sovetsko-germanskie otnosheniya ot peregovorov v Brest-Litovske do podpisaniya Rapal'skogo dogovora. M.: Politizdat, 1968. 785 s.
- Tsentrallyy gosudarstvennyy arhiv g. Moskvy. F. R-2562. Op. 3. D. 1. L. 4, 7, 8.
- Chernin O. V dni mirovoj voyny. Memuary ministra inostrannyh del Avstro-Vengrii. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2005. 521 s.
- Chernov V.M. Konstruktivnyy sotsializme. M.: ROSSPEN, 1997. 670 s.
- Shubin A.V. Revolyutsionnyy 1917 god. Ot fevralya k Oktyabryu. M.: Akademicheskii proekt, 2018. 331 s.
- Shubin A.V. Start Strany Sovetov. Revolyutsiya. Oktyabr' 1917 – mart 1918. M.: Piter, 2017. 448 s.

Шубин Александр Владленович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; *historian905@gmail.com*

Waiting for the World Revolution

The article is devoted to the development of the concept of world revolution from its formation in the mid-nineteenth century to the beginning of the practical implementation in the end of 1918. Article shows that the concept of continuous "permanent" revolution, covering the advanced countries and the periphery, was to be found in the works by Karl Marx and was adopted and developed further in the texts of radical social democrats in the early twentieth century. The idea of a world revolution received a "second wind" in connection with the first Russian revolution and the World War I. The expectation of the world revolution was considered the key to solving foreign policy problems of Russia in 1917-1918. The world revolution did not materialize during the period of the Brest negotiations, thus leading to a severe crisis of Bolshevism and Soviet power. The article also considers the reaction of the Austro-German elites to the Soviet revolutionary diplomacy. For the major part of the European left, the Russian revolution, with its Soviet practices, seemed to embody the idea of a world revolution, but the authoritarian features of Bolshevik practices have been criticized by left-wing socialist theorists.

Keywords: World Revolution, Marx, the Great Russian revolution, the Brest-Litovsk Treaty, Lenin, the November revolution in Germany, Luxemburg

Alexandr Shubin, Dr. Sc. (History), Senior Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; *historian905@gmail.com*